

ГЛАВА IV

1. В своем «Завещании», включенном в книгу «Выбраные места», Гоголь выражает надежду, что ему удастся раскрыть легкомысле современных людей, что он поможет им «услышать хоть отчасти строгую тайну жизни и сокровенейшую небесную музыку этой тайны». Эти слова выражают стиль нового миросозерцания Гоголя, в котором он хочет раскрыть, «насколько возможно», «строгую тайну жизни», ее «сокровенный смысл» и даже «небесную музыку» этой тайны. Это не фраза в устах Гоголя, это его действительное новое ощущение жизни — для него все сводится теперь к ощущению во всех событиях скрытой, но основной связи жизни с Богом. «Жизнь теперь не загадка,— писал Гоголь в «Авторской исповеди»,— но лишь при религиозном подходе к жизни». «Выводы твои — гниль, — писал Гоголь «близорукому приятелю» («Выбр. места»), — они сделаны без Бога. История для тебя мертвa — только закрытая книга; без Бога не выведешь из нее великих выводов». Отсюда у Гоголя чувство, что надо все пересмотреть «в Боге», надо религиозно осветить и историю, и современность.

Вот как он — уже по-новому — воспринимает современность: «В нынешнее время таинственной волей Провидения стал всюду слышаться болезненный ропот неудовлетворения... всем, наконец, начинает становиться подозрительным то совершенство, в которое возвели нас наша новейшая гражданственность («цивилизация»). — В. З.) и просвещение» («Выбр. места»). В другой статье в той же книге читаем: «Уже раздаются вопли страданий всего человечества, которыми заболел почти каждый из нынешних европейских народов, — и мечется бедный, не зная сам, как и чем себе помочь». В статье «Светлое Воскресенье» (в той же книге) читаем: «Ныне мысли о счастье человечества сделались почти любимыми мыслями всех; многие только и грезят о том, как преобразовать все человечество» (явный намек на социалистические утопии того времени). Гоголь пишет тут же: «Страсти ума уже начались — уже враждуют из-за несходства мнений, из-за противоречий в мире мысленном». За этим идеологическим разбором в современной жизни Гоголь ощущает силу зла, воцаряющуюся в мире: «Диавол выступил уже без маски в мире... люди начали было думать, что образованием выгнали злобу из мира, а злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир — дорогою ума». Эти острые мысли (предвосхищающие Достоевского) заканчиваются приведенными уже нами словами: «Непонятной тоской уже загорелась земля, черствее и черствее становится жизнь, все мельчает и мелеет и возрастает только в виду

всех исполинский образ скуки. Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится в Твоем мире».

Таково восприятие современности у Гоголя в новый период его жизни — и кто станет отрицать всю грозную и страшную правду того, что открылось Гоголю в его восприятии жизни? Но рядом с мучительной думой о том, как запуталось человечество на своих путях жизни без Бога, у Гоголя все время звучит и положительный мотив — вера в то, что через возвращение ко Христу человечество может обрести новые силы; Гоголь верит в «всемирность человеколюбивого закона Христова», в творческие силы, которыми богата Церковь Христова, которая «одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши».

2. Но имел ли в виду Гоголь *крутый перелом* в приходе к религиозному преображению жизни или же дело идет о *реформе личной и общественной жизни*? Сам Гоголь, выходя в своей личной жизни на новый путь, не совсем ведь порвал с тем, что сложилось у него до перелома. Он не отошел от литературы, и если заявлял, что для него теперь на первом месте стоит «дело жизни», а не литература, то все же продолжал писать (уже 2-й том) «Мертвых душ». Он жил за границей, особенно в Италии, уходил в ее красоты, в искусство, — самый перелом в личной жизни Гоголя вообще мало касался внешней стороны жизни, а относился к *духовной установке* в нем. Перелом, пережитый Гоголем, действительно касался в нем самом прежде всего духовных глубин, духовной сферы и не означал и не требовал полного разрыва с прежней жизнью. Но то же должно было относиться и ко всем темам современности — и это Гоголь сознавал с полной ясностью; то новое, что ему открылось и с чем он хотел ныне связать всю современность, касалось тоже прежде всего необходимости *духовного перелома в современности*. Гоголю была чужда стихия революционизма; он думал о новом типе жизни в *пределах старых ее форм*. Тут, конечно, было немало и наивности. Гоголь просто не понимал всей *относительности* сложившихся форм жизни и их несоизмеримости с новым направлением в нем. Отсюда частая у него *упрощенность* в понимании проблем жизни, особенно поскольку дело шло о социально-экономических и социально-политических проблемах. Основная тема Гоголя о новой духовной установке в жизни явно упрощалась им и вела к наивным и действительно неприемлемым утверждениям. Сама тема была сложнее, запутаннее, чем ему это представлялось, но Гоголь знал для самого себя прежде всего, что он нашел новый смысл жизни, новую точку опоры. Но и тут он не раз оказывался, по его признанию, «Хлестаковым», сам же признавал, что не его путь есть «вселенское учительство» (Гоголь писал в январе 1848 г. о. Матвею: «Я по-

казал своей книгой какие-то замыслы на что-то вроде вселенского учительства). Все это не дискредитировало в глазах Гоголя правды его основной новой духовной установки, а только свидетельствовало о том, что одно дело найти новую духовную установку, а другое — воплотить ее не в порыве вдохновения, а в порядке серьезного самоустроения в своей жизни. Но то же самое — гораздо в большей степени было верно и для того «общего дела», которым Гоголь действительно и серьезно был занят. Но Гоголю не была видна вся сложность исторического бытия, внутренняя диалектика его, — и оттого темы его оказались больше его. Не то чтобы они были не по силам ему, но мы должны иметь в виду, что и сейчас, когда в русской религиозно-философской литературе живут все те же темы, которыми был занят Гоголь, они остаются нерешенными — и как раз именно в их отношении к исторической реальности. Революционный утопизм лишь мимо спрашивается с сопротивлением исторической реальности; все построения оказываются не дающими никакого подлинного преображения жизни.

3. Мы уже говорили — в противовес мнению Мочульского, который сам обнаружил достаточную наивность в анализе нового мировоззрения Гоголя — что было бы напрасно и неверно искать у Гоголя стройности и систематичности в его религиозно-философских построениях. Но, конечно, у него были вполне определенные и твердые убеждения; в них и надо искать то основное, чем жил Гоголь, и что внес он в русскую культуру.

Основное значение принадлежит здесь *новому пониманию человеческой души*, путей личности в ее созревании, — это и лежало в основе духовного перелома у самого Гоголя. В ранний период творчества Гоголя (до «перелома») у него сложилась, как мы уже говорили «эстетическая антропология», в которой на первый план он выдвигал эстетические движения, эстетическую отзывчивость в человеке. На это опиралась и мораль Гоголя, из этого исходил он в своих оценках современности и ее основных течений. Теперь же на первый план выдвигается у Гоголя моральная сфера, внутренняя жизнь в ее отношении к Богу, к Христу. Еще в «Шинели», где выступает идея братства всех людей, включая и таких ничтожных и забытых людей, как Акакий Акакиевич, идея братства не только звучит отвлеченно, но и вне связи с религиозными началами. Равным образом в «Старосветских помещиках», где Гоголь сурохо говорит о Пульхериᾳ Ивановне, что, умирая, она думала не о том, как она предстанет Богу, а о своем Афанасии Ивановиче — эти слова звучат тоже ригористически. Впервые в «Мертвых душах» начинает проскальзывать новое понимание человеческой души, исходящее из христианских начал. По свидетельству

самого Гоголя, перед ним «все яснее представлялся идеал прекрасного человека, тот благостный образ, каким должен быть человек на земле». В размышлениях об этом Гоголь, как он пишет в той же «Авторской исповеди», «нечувствительно, почти сам не ведая как, он пришел ко Христу, увидевши, что в Нем ключ к душе человека».

Позже (в конце 1848 г.) Гоголь писал: «Нужно людей видеть так, как видит их Христос». Но это «видение людей во Христе» есть уже венец христианского взгляда на человека, при котором «каждый человек для нас святыня» (из письма в окт. 1848 г.). Эта идея о том, что каждый человек должен быть для нас «святыней» — не относится, конечно, к эмпирической реальности людей. Гоголь с его острой чувствительностью ко всякой неправде и мерзости, к пошлости и пустоте в людях слишком хорошо сознавал это, — но «святыня» в человеке — это тоже реальность, но реальность, не раскрывшаяся, не реализованная; «в конце той «дороги», по которой движется человек (часто помимо самого себя, не до конца себя сознавая), — Бог» (июнь 1843 г.). Эта неосознанность самого пути, по которому идет созревание души, связана часто с тем, что «кое-что и слышит наш ум, да не слышит сердце», занятое не тем, что его ждет в конце дороги.

Эта заполненность нашей души суетой, внешними делами («когда человек под влиянием страстных увлечений без борьбы влечется потоками жизни») связана с тем, что мы не прислушиваемся к тому, что происходит внутри нас. Между тем «внутри всех нас есть источник света — хоть мы редко стремимся к тому, чтобы найти его» (июль 1843 г.). Это — один из тезисов христианской антропологии вообще, который особенно развивал в русской литературе Киреевский (а до него и отчасти одновременно с ним Сперанский). Для Гоголя это очень важный, можно сказать, поворотный пункт в его понимании человека (имевший, кстати сказать, выражение и опору в его художественных интуициях). «Святыня» в человеке и есть его внутренний центр, о котором мы не думаем; оттого и писал Гоголь (декабрь 1844 г.), что «без Христа (т. е. «не взявши в руки небесного светильника») нельзя опуститься в темную глубину человека». Вообще знание человека (в его сущности, в его «святыне») невозможно, если мы «не загоримся всецело любовью к человеку» (из письма 1847 г.). «Есть много тайн в человеке, которые остаются неоткрытыми для нас» (авг. 1842 г.).

4. На этом пути к христианскому пониманию человека, Гоголь приходит к мысли, которая с годами все больше крепла в нем, что все люди «тесно связаны между собой» (июнь 1844 г.). Этот «союз душ» творится силой Христа (авг. 1842 г.). Гоголь часто настаивает на том, что «между любя-

щими душами все передается и сообщается от одной к другой» (июнь 1842 г.), что «тесно связана наша собственная жизнь и наше собственное образование с нашими близкими».

Из этого тезиса о «тесной связи душ» Гоголь переходит к чрезвычайно важному положению (которое впоследствии усиленно развивал Достоевский) о связи людей в общей виновности. «Вина так теперь разложилась на всех,— писал Гоголь (в «Выбр. местах»),— что никоим образом нельзя сказать вначале, кто виноват более других». Так же (в другой статье) Гоголь писал: «Теперь все грешат до единого, но грешат не прямо, а косвенно». «Если поднять перед человеком завесу и показать ему хоть часть тех ужасов, которые он производит косвенно, не прямо», тогда человек изменил бы свою жизнь. Отсюда «вихри возникнувших запутанностей; все на Руси,— сказал Гоголь в «Авторской исповеди»,— страждёт больше всего от взаимных недоразумений». К этой идеи, что на пути добра есть много мнимых и все же реальных затруднений именно в форме недоразумений, присоединяется, по мысли Гоголя, «общая беспечность», нечувствие того, что совершается в людях, в мире. *Духовное ослепление* и погруженность в свои маленькие дела есть две стороны одного и того же процесса, в силу которого так часто «в добре мы не видим добра». Именно потому Гоголь и хотел в своей книге (письмо от февр. 1842 г.) «поселить в голове людей идеал возможности делать добро, потому что есть много истинно доброжелательных людей, которые омрачились мыслью, что ничего сделать нельзя».

В этом пункте Гоголь как бы возвращается к идеям той эстетической антропологии, которая сложилась у него в первый период его жизни,— только теперь у него уже нет наивности эстетического гуманизма. Давно поняв то, что пути эстетический и моральный не совпадают (вершиной этой идеи является «Невский проспект»), Гоголь все же не забыл своего же учения о динамизме эстетического начала,— только теперь он по-другому трактует смысл его, по-другому хочет использовать его. Он говорит теперь о «лирических движениях души», о том, что «в душе поэта есть бездна сил»,— а «поэт» есть высшая стадия в развитии души человека. «Стремящая сила души», если она загорается любовью к добру, обладает творческим динамизмом; отсюда мысль Гоголя, что «всякий человек требует лирического возвзания к нему», что всякий человек нуждается в том, чтобы его призвали к движению «вперед».

Эта *вера в человека*, хотя бы он был в состоянии духовного сна, есть тот принцип, на котором теперь стоял Гоголь, и, опираясь на него, он строил свой план «общего дела», устроения жизни на христианских началах. Именно этот па-

фос положительного строительства определял у Гоголя и критику современности, и его мечтания о том, как «на каждом месте» можно послужить Христу и найти путь жизни.

Что касается критики современности, то мы уже знаем эстетическую критику всего порядка жизни,— и этот эстетический критерий не исчез и после перелома у Гоголя, но он как бы растворился в более общем религиозном подходе к жизни. Вообще религиозное мировоззрение Гоголя вобрало в себя и эстетические, и моральные идеи раннего периода в жизни Гоголя, но, вобрав их в себя, религиозное мировоззрение их переработало, как бы вдохнуло в них новую жизнь. Гоголь очень остро ощущал, что мир в его современном состоянии «не в силах прямо встретиться со Христом» («Выбр. места»), не в силах «хоть отчасти услышать строгую тайну жизни и ее сокровеннейшую небесную музыку». И отчего? Что мешает человечеству понять, что во Христе ключ к разрешению самых сложных, самых существенных вопросов жизни? Отчего «стал слышаться повсюду болезненный ропот неудовлетворения... так, что начинает становиться подозрительным то совершенство, в которое возвели нас новейшая гражданственность и просвещение»? Гоголь думает, что все это совершается «по таинственной воле Проридения», так как человечество духовно спит, уйдя во внешнюю жизнь, в технические усовершенствования и всякий комфорт: «Богатырски задремал нынешний век»,— пишет Гоголь. Но если сейчас «только и грезят о том, как преобразовать человечество», то, увы— современный человек любит «далнего, а не ближнего» («все человечество готов он обнять, как брата, но брата не обнимет»)... И вот отчего «весь мир страждет»: «Во всем усомнится современный человек — в сердце человека, которого знал много лет, в правде, в Боге усомнится, но не усомнится в своем уме...» Потому и «начались уже страсти ума». И вот почему «непонятной тоской уже загорелась земля, черствее и черствее становится жизнь, все мельчат и мелеет...»

Это уже не эстетическая критика современности; дело уже не в торжестве пошлости в современной жизни, а в ее духовном опустошении. «Никто не в силах,— писал Гоголь своему другу Данилевскому в сент. 1848 г.,— вынести страшной тоски нашего рокового переходного времени... почти у всякою ночь и тьма кругом». «Время настало сумасшедшее»,— писал Гоголь Жуковскому (1849 год); в другом письме Гоголь пишет, что время теперь «беспутное и сумасшедшее» (письмо от июня 1849 г.). «Уже раздаются, — писал Гоголь в «Выбр. местах»,— вопли страданий всего человечества, и мечутся люди, не зная, как и чем себе помочь, — это какое-то общее опьянение века» (из письма матери в ноябре 1849 г.).

5. Но еще в июне 1846 г. Гоголь писал в одном письме, — что перед ним «открылись исходы, средства и пути — в этом весь положительный, творческий пафос Гоголя теперь — он весь устремлен к тому, чтобы не только показать неправду в жизни, но и указать путь к правде, к ее осуществлению на земле.

Первое и самое основное ныне убеждение Гоголя состоит в том, что «закон Христов должен внести повсюду» (письмо о. Матвею, сент. 1847 г.). В другом письме (1844 г.) Гоголь пишет: «Всячески повсюду можно достигнуть Христа». Еще глубже мысль Гоголя (дек. 1849 г.), что «нужно людей видеть так, как велит видеть их Христос». Это «видение во Христе» означает, что весь мир, люди, их дела, весь ход истории стоят под законом Христовым, должны светиться светом Христовым. Это есть *отказ* и от эстетического, и от морализирующего понимания мира и людей, это есть уже чисто религиозная установка духа. Если мир «не в силах прямо встретиться со Христом», то это есть следствие всеобщего ослепления, всеобщего отступления от Христа, — и основная задача каждого, кто понял это, состоит в том, чтобы раскрывать миру глаза на это, звать его к Христу. Это есть новая миссионерская задача внутри христианского общества; Гоголь со всей силой сознает эту задачу «внутренней миссии», задачу возвращения душ ко Христу.

Важным было для Гоголя то его убеждение, что «закон Христа — всемирен», что он приложим всюду, что все может светиться светом Христовым — лишь бы этого люди хотели: «Всячески и повсюду можно достигнуть Христа, — писал он еще в 1844 г., — самое прозаическое дело может быть связано с Христом». Но суть здесь в том, что надо «начинать с себя» — иначе говоря, христианство может войти в мир лишь через личность. Преображение мира начинается с преображения людей — и в этом вся трудность исторического действования. Внешние реформы могут быть идеальными, но не способствовать «общему делу», — всегда и во всем важен, как выражался Гоголь, «применитель».

Особое значение приобретает теперь в глазах Гоголя Церковь. Если в ранние годы он был холодноват в отношении конфессиональных различий, если раньше он лично любил, будучи в Италии, молиться в католических храмах, то теперь у него сила Церкви с наибольшей правдой выражена в Православии. Как бы отвечая на известные мысли Чаадаева, что Россия, будучи отрезана от Запада именно своим Православием, будто бы ничего не внесла в сокровищницу мировой истории, Гоголь ставит в центре всего преображения жизни именно Православную Церковь. Как бы отвечая Чаадаеву, Гоголь пишет: «Говорят, что Церковь наша безжизненна, но это ложь, потому что Церковь наша есть

жизнь»; однако эта ложь «была правильным выводом — это мы трупы, а не Церковь наша — но нас и Церковь называли трупом». «Мы шли все время мимо нашей Церкви и едва ли знаем ее и теперь — владеем сокровищем, которому и цены нет... Церковь наша одна только и сохранилась от времен Апостольских в непорочной чистоте»*. «Церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь». Но «Церковь наша должна святиться в нас, а не в словах наших — мы должны быть. Церковь наша, и пами же должны возвестить ее правду».

Это учение о Церкви и твердое сознание, что «Церковь должна быть введена в жизнь», есть уже начало размышлений Гоголя об «оцерковлении» жизни. «Верховная инстанция всего есть Церковь и разрешение вопросов жизни — в ней» («Автор. исповедь»). «В Церкви нашей,— писал Гоголь («Выбр. места»), — сохранилось все, что нужно для просыпающегося ныне общества. В ней кормило и руль наступающему новому порядку вещей... в ней простор не только душе и сердцу человека — но и разуму во всех его верховых силах». Вот суждения Гоголя (теперь) о Западной Церкви: «Церковь Западная была еще достаточна для прежнего несложного порядка вещей... теперь же, когда человечество стало достигать развития полнейшего во всех своих силах... она только отталкивает (людей) от Христа».

6. Но с этим связаны у Гоголя и его новые мысли об особом призвании России, об особых путях ее в деле «оцерковления» мира и его тем. Еще в ранний период творчества мы находим у Гоголя мысли об особых «качествах» русского духа — напр., в «Тарасе Бульбе». Позднее он часто касался тем России в «Мертвых душах» — особенно в размышлениях о «необъятных пространствах» России. «В тебе ли не родиться беспредельной мысли, — читаем тут, — когда ты сама без конца?», — «Грозно объемлет меня, — писал Гоголь, — могучее пространство». А в конце первого тома «М. д.» находится знаменитое лирическое место — где Гоголь говорит о быстрой езде — что именно «русская душа, стремящаяся закружиться, слышит в быстрой езде что-то восторженно чудное», — дальше идет сравнение Руси «с необгонимой тройкой — все летит мимо и, косясь, посторониваются и дают дорогу Руси другие народы и государства».

В одном письме (июнь 1846 г.) Гоголь писал, что «есть в русском человеке сокровенные струны, которых он сам не знает». В 1849 г. он писал, что «может быть, одному русскому суждено ближе почувствовать значение жизни». Он писал в одной статье в «Выбр. местах», что «одна Россия

* Здесь впервые (в «Выбр. местах») находим у Гоголя акцент на конфессиональной стороне в понятии Церкви.

чует приближение иного царствия». «Широкие черты человека величавого носятся и слышатся по всей Русской земле». «Еще доселе,— читаем в конце статьи «В чем же наконец существует русской поэзии»,— необъясним разгул, который слышится в наших песнях, несется куда-то мимо жизни в самой песне, как бы сгорая желанием лучшей отчизны, по которой тоскует со дня своего создания человек». Гоголь едко высказывается здесь против «квасных патриотов» и «очужеземившихся русских» — а сам ищет «русской России» в ее подлинной силе и глубине. На эту тему написана самая замечательная в «Выбранных местах» статья «Светлое Воскресенье». «Не воспраздновать нынешнему веку Светлого праздника так, как ему следует опраздноваться» — препятствием здесь является гордость у современных людей, которые «влюбились в чистоту и красоту свою», которые уверены в своем уме — «уже начались *страды ума*». Мы уже приводили пророческие слова Гоголя: «Непонятной тоской уже загорелась земля; черствее и черствее становится жизнь; все мельчает и возрастает в виду всех один исполинский образ скуки, достигая с каждым днем неизмеримейшего роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! Страшно и пусто становится в Твоем мире!»

Эти строки, продиктованные, несомненно, искренним чувством, живо рисуют то восприятие всей современности, какое завладело Гоголем уже с середины 40-х годов. Но на фоне этих безрадостных переживаний жила у Гоголя вера в Россию, в то, что праздник Светлого Воскресенья воспразднуется, как следует, прежде у нас, нежели у других народов... Самое неустройство наше пророчит нам это: «Мы еще расплавленный металл, не отлившийся в свою национальную форму... есть уже начала братства Христова в самой нашей славянской природе... нет у нас еще тех озлобленных партий, какие водятся в Европе и которые поставляют препятствие непреодолимое к соединению людей и братской любви между ними»*.

7. Но для Гоголя было ясно, что основной темой истории, особенно в новое время, является социально-экономическая тема. Создавая образ Чичикова, Гоголь все больше и глубже чувствовал всю центральность *мотива обогащения*, как руководящей силы жизни. Именно потому, что Гоголь сознавал это с полной отчетливостью, перед ним, в его планах о «преображении жизни» и вставал вопрос о том, насколько возможно преодоление этого «мотива обогащения», его преобразования в положительную и творческую силу. Это, собственно, и было то «общее дело», о котором так часто писал Гоголь,

* Какая удивительная аналогия с верой в русский народ (русскую общину) у Герцена и отчасти у Чернышевского!

как преображение и просветление самого корня разобщения людей и вечной вражды друг с другом. После того как Гоголь «открыл» в самом себе духовную основу, питание от которой, от ее жизненной силы для него было путем к внутренней переработке себя,— вопрос «общего дела» и свелся для него к тому, насколько для Чичиковых, Собакевичей, Плюшкиных возможно пробуждение творческой основы духовной жизни.

У Гоголя были, как он писал еще в ранние годы, «неотразимая вера в светлое будущее»,— как личное, так и общее,— но эта вера опиралась на столь же неотразимую веру Гоголя в Промысел Божий, в участие Бога в жизни мира. Весной 1843 г. Гоголь писал матери: «Все наши несчастья от ложного понимания мирских дел и вещей, от неумения чувствовать в событиях жизни слова, обращенные Богом к нам». Склоняясь к этому «двойному зрению» (выражение еще Сковороды), т. е. к способности видеть в внешних фактах сокровенный их смысл, «Божьи указания», Гоголь, не теряя остроты внешнего зрения (это был его особый дар видеть прежде всего нелепость и неправды в жизни людей,— что определяло пути его художественного творчества), устремляет все свое внимание к тому, чтобы учиться самому, учить и других отходить от «ложного понимания мирских вещей». Он писал Анненкову (май 1844 г.): «Если бы мы все, вместо того, чтобы рассуждать о духе времени, взглянули, как должно, на самих себя, мы гораздо больше выиграли бы... мы бы увидели, что на всяком месте... столько есть дел в нашей собственной жизни... Всяких же «мнений» о нашем веке и нашем времени я терпеть не могу». Живя в углублении в самого себя, Гоголь прямо заявляет, что ему «скучно» думать о другом (письмо матери июнь 1844 г.).

Но к Богу нельзя прийти *мимо людей*; надо «начинать с самого себя» («а не с общего дела!»— письмо Языкову в октябре 1846 г.). Гоголю ясно, что его речи глухо звучат для его современников, но он, по его выражению, «отважился» заговорить «о самом важном»: «Наступает такое время,— писал он (апр. 1847 г.),— что невольно говорится о Боге». Эта центральность религиозного подхода к жизни и требовала от Гоголя конкретных указаний на то, как же бесспорную всемирность духа Христова вместить в жизнь? Но прежде всего это означает, что то, что мы делаем в жизни, мы должны делать не для себя, а для Бога,— и это и есть то главное *отречение от себя*, от своих «интересов» и задач, которое должно лечь в основу новой творческой психологии. «Я думаю,— писал Гоголь (февр. 1850 г.),— что мы все в этом мире не что иное, как поденщики». В январе 1850 г. Гоголь снова возвращается к этой мысли: «Мы все здесь поденщики, обязаные работать и работать, и глядеть

вверх — там наша плата». В эти же годы Гоголь, варьируя ту же мысль, писал: «Мы должны работать не для себя, а для Бога. Человечество нынешнего века *свихнулось с пути только оттого*, что вообразило, будто нужно работать для себя, а не для Бога». Это есть призыв к борьбе против *социально-экономического индивидуализма*, который расщепляет единство общей жизни, атомизирует людей, обособляя друг от друга и тем ведет к тому, что Н. Ф. Федоров называл «небратским отношением друг к другу».

8. Но как осуществить этот коренной перелом в современной жизни? Гоголь довольно наивно думал, что на каждом месте можно послужить добру, т. е. Богу. «Теперь надо всем нам, — писал он еще в «Выбр. местах», — подумать о том, как на своем собственном месте сделать добро». Иначе говоря, можно и даже должно исходить из того состояния жизни, какое мы сейчас находим, — нужны ведь не внешние реформы, а перемена в творческой установке. Это есть *своеобразный, принципиальный консерватизм*, к которому присоединяется ложная (с религиозной точки зрения) мысль, что «Бог недаром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит». Эта странная остановка всего на том месте, где кто находится, делает внутренне неверной и потому ненужной всякую инициативу в реформе и общественных отношений и личных путей. «Мы набрались, — говорит Гоголь в обличение тех, кто ищет внешних реформ, — пустых рыцарских европейских понятий о правде». «Не выходя вон из государства (т. е. принимая *status quo*), каждый должен спасать себя самого в самом сердце государства». Гоголь добавляет: «Служить теперь должен всяк из нас не так, как бы служил он в прежней России, но в другом небесном государстве, главой которого является сам Христос». Чтобы понять ход этих мыслей Гоголя, надо иметь в виду, что это *не есть «освящение» современного строя государственной и социально-экономической жизни, а лишь перенесение всего центра тяжести на служение Богу, которое возможно всюду, каждому в любом месте*. Это есть и наивное непонимание того, что и государственный, и социально-экономический строй *творится историей*, как стихийный процесс, с другой стороны, это есть превращение этого чисто исторического, *подвижного* (по самой своей природе) бытия в полуреальность — за которой стоит подлинная реальность — творчество жизни самим Богом. Так именно надо объяснять своеобразную *мистику государственности* у Гоголя: «Все (в русском строем) полно, достаточно, все устроено именно так, чтобы споспешствовать в добрых действиях... слышно, сам Бог строил незримо руками государей» («Выбр. места»). Гоголя упрекали за его похвалы «мудрости» государей, видели в этом желание польстить властям и даже этим путем по-

лучить заранее «земные выгоды». Конечно, все это решительно неверно, но Гоголь, как настоящий провинциал, с мистическим чувством относился к высшей государственной власти, не за страх, а за совесть воспевал «высшее значение монархии» и даже создал своеобразное учение о высшем смысле монархизма (см. «Выбр. места»). Если Белинский (во второй период творчества) выковал формулу, что «президент Соединенных Штатов — особа почтенная, но не священная», то у Гоголя в его очень наивных, но, бесспорно, интересных мыслях о монархизме есть усвоение монарху именно «священного» характера. Ссылаясь на Пушкина в его размышлениях о необходимости в государстве того, чтобы один человек «стал выше всех и даже выше самого закона» — ибо «закон — дерево, в законе человек слышит что-то небратское и жестокое», ссылаясь на эти размышления Пушкина, Гоголь создает своеобразную мистику монархии («монарх страшной ответственностью за весь народ перед Богом освобожден уже от всякой ответственности перед людьми, болея ужасом этой ответственности». «Без полномочного монарха государство — автомат», — пишет Гоголь).

Этот совершенно *внегисторический* подход к проблеме высшей власти, это усмотрение мистической стороны в монархической власти (столь близкое к византийским теориям о царской власти) свидетельствует о том, что в поисках религиозного преображения жизни Гоголь не думал ни о каких реформах в самом государственном строе. Это не значит, что Гоголь не замечал той неправды, которой столько было в русской жизни в его время, но если, скажем, Герцен (см. «Былое и думы»), останавливаясь на фактах вопиющей неправды, поднимал бунт именно против самого строя жизни, — то Гоголь совсем по-другому осмысливает неправду в русской жизни: «Во всем, — говорит он, — виноват *применитель*». Другими словами, для «общего дела», для преобразования жизни нужен *новый человек*, нужен религиозный подход каждого прежде всего к его собственной душе, а затем к социальной жизни.

Все эти мысли Гоголя идут вообще мимо политического и социального строя жизни; христианство Гоголя всецело индивидуально, и если он часто говорит о возможности применения закона Христа «всюду», то это опять же относится к «применителям» закона и не затрагивает проблем «социального христианства». Потому Гоголю и представлялся идеал «прекрасного человека», что в этом для него ключ к преображению жизни вообще. Даже та сфера жизни, где как бы сосредоточена по преимуществу всякая неправда, сфера экономическая, по Гоголю, может и должна быть хри-

стианизована через отдельных людей. Одно было ясно для Гоголя: преображение хозяйственной активности, вообще экономической жизни есть дело *первостепенной важности*, стоящее далеко впереди всех остальных сфер жизни. Тема экономическая в глазах Гоголя была наиболее ответственной — и сюда направлялась больше всего его мысль в вопросе об «общем деле». Нам нужно поэтому выделить в особую главу экономическую тему у Гоголя, вопрос о хозяйственной активности, — как это теперь освещал Гоголь в своем религиозном мировоззрении.

ГЛАВА V

1. Надо с самого начала указать на то, что именно эта сторона в мировоззрении Гоголя (как она была освещена в книге «Выбранные места») вызвала особенно резкое осуждение со стороны различных кругов русского общества. Здесь еще больше, чем в теме политической, Гоголь исходит из *status quo*, из того социального строя, в котором действовало тогда крепостное право. Все слои русского общества, начиная с самого Николая I, считали крепостное право несовместимым не только с духом христианства, с учением о братстве всех людей, но отчетливо видели те ужасные драмы и трагедии, которые вырастали из власти помещиков над крестьянами. В сороковые годы задумывал Тургенев свои «Записки охотника», в которых он в живых образах показывал и человеческие переживания, и чувства у крестьян, рисовал весь ужас их безвластия. В те же годы Герцен и все представители русского радикализма сходились на моральной невозможности мириться с существованием крепостного права; сам Жуковский, будучи воспитателем наследника, будущего царя (Александра II), внушал ему такие же чувства, что и сказалось в настойчивом желании Александра II уничтожить крепостное право. За крепостное право стояли лишь немногочисленные группы дворянских кругов. И именно в эти сороковые годы Гоголь, обдумывая до последней степени тревоживший его вопрос о реформе в социальной жизни, о борьбе с духом наживы и всяческой социальной неправды, исходит в своей программе из существующего социального строя, не думая о необходимости уничтожения крепостного права. Как объяснить это?

2. Не забудем, что Гоголь вообще с особой силой воспринимал всякие мерзости жизни — ведь именно Гоголь так беспощадно выставляет в «Ревизоре» все злоупотребления со